

- Asad* 1993 – *Asad T.* Genealogies of Religion: Discipline and Reasons of Power in Christianity and Islam. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1993.
- Beyer* 2006 – *Beyer P.* Religions in Global Society. N. Y.: Routledge, 2006.
- Freund* 2005 – *Freund M.* Save the Subbotniks! // Jerusalem Post. 2005. Feb. 17. P. 15 http://www.molokane.org/subbotniki/Russia/Voronezh/2005_Jerusalem_Post.html
- Hall* 2000 – *Hall S.* The Local and the Global: Globalization and Ethnicity // Culture, globalization, and the world-system: contemporary conditions for the representation of identity / Ed. A.D. King. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2000. P. 19–39.
- Robertson* 1997 – *Robertson R.* Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities / Ed. M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. L.: Sage, 1997. P. 25–44.
- Stampfer* 1988 – *Stampfer Sh.* Heder study, knowledge of Torah, and the maintenance of social stratification in traditional East European Jewish society // Studies in Jewish Education. 1988. № 3. P. 271–289.
- Stock* 1983 – *Stock B.* The Implications of Literacy: Written Language and Models of Interpretation in the Eleventh and Twelfth Centuries. Princeton: Princeton University Press, 1983.
- Stock* 1990 – *Stock B.* Listening for the Text: On the Uses of the Past. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1990.

ЭО, 2009 г., № 6

© С.Я. Козлов

ЕВРЕЙСКИЕ ГРУППЫ И ТИПЫ В МЕМУАРАХ М.А. КРОЛЯ (этнолитературоведческий этюд)

Ключевые слова: российские евреи в конце XIX – первой трети XX в., русско-еврейская интеллигенция, интеллектуальная литература как историко-этнологический источник.

Несколько лет назад в журнале “Этнографическое обозрение” я попытался привлечь внимание коллег к активному вовлечению литературы (fiction) в сферу этнологических исследований, считая, что это может обогатить познание этнических групп и этнических типов, особенностей групповой и этнонациональной психологии, внутри- и межэтнических отношений, быта и нравов различных социальных, культурных, этнических групп (*Козлов* 2005). В том же номере журнала С.В. Чешко отметил актуальность изучения межэтнических отношений, межкультурных коллизий не только на групповом уровне: важно также исследование “взаимоотношений индивида и традиционной (по рождению индивида) этнокультурной среды и поиска этим индивидом иных референтных культурных групп” (*Чешко* 2005: 10).

То, что я говорил о художественной литературе (в связи с этнологическими штудиями), не в меньшей мере (а иногда и в большей) может быть отнесено к интеллектуальной литературе (non/fiction), в частности к мемуарной. И я попробую показать это на материале книги воспоминаний М.А. Кроля (*Кроль* 2008).

Автор ее, Моисей Ааронович Кроль (1862, Житомир – 1942, Ницца) – в первой половине 1880-х годов активный революционер-народоволец, политический ссыльный, ставший серьезным специалистом по традиционной культуре бурят, а также по проблемам землепользования в Забайкалье, известный – в Петербурге, “черте еврейской оседлости”, Иркутске, Харбине, Пекине, Париже – адвокат (в том числе – и осо-

бенно – как один из самых деятельных участников расследования еврейских погромов 1903–1905 гг.), видный журналист и общественный деятель (председатель Общества по изучению Сибири), в 1917 г. – делегат Учредительного собрания, избранный по спискам партии социалистов-революционеров, членом которой он был с 1908 г. (октябрьский переворот и захват власти большевиками Кроль решительно не принял), в декабре 1917 – сентябре 1918 г. член Сибирской областной думы. Эмигрировав после колчаковского переворота в Харбин, М. Кроль вскоре перебрался в Пекин, где прожил с семьей шесть лет. В 1925 г. он переезжает в Париж, где становится авторитетным деятелем еврейских организаций.

78-летнему М. Кролю вместе с семьей удалось покинуть Париж до того, как город был занят гитлеровскими войсками; семья осела в Ницце, которая входила в зону юрисдикции вишистского правительства. Скончался Кроль 31 декабря 1942 г.

В последние 10 лет жизни немало времени и сил он отдал написанию мемуаров. В конце концов получился текст, состоящий из 56 глав (из них жизни в России посвящены 46). Союз русских евреев в Нью-Йорке издал в 1944 г. первый том (гл. 1–28); на второй не хватило денег, его публикация была отложена... Волею судеб наша коллега Н.Л. Жуковская, работая в 1994 г. в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (США, Калифорния, Стэнфорд), обнаружила папку с надписью “М.А. Кроль”, где кроме других материалов были и его мемуары: первый том – изданная в 1944 г. книга, и второй – машинописный текст. Она была знакома со статьями М. Кроля по этнографии бурят со студенческих лет. Прочитав мемуары и тотчас попав под их обаяние не только как человеческого, личностного документа, но и как очень интересного текста с большим общественно-политическим, историческим и этническим содержанием, Н.Л. Жуковская разыскала (письмом в Париж) 90-летнюю младшую дочь автора – Е.М. Кроль-Островскую (которой принадлежали права на публикацию), получила разрешение опубликовать весь текст в России, совместно с А.Э. Тенишевой проделала огромную работу по подготовке его к изданию, нашла спонсоров и издателей, и вот книга перед нами – большой, красивый том с портретом автора на обложке, пожилого, но с веселыми, молодыми, немного “задиристыми” глазами умного человека, знающего себе цену¹.

“Страницы моей жизни” М. Кроля – как и всякие мемуары, прежде всего, конечно, рассказ автора о своей жизни, о событиях, участником или свидетелем которых он был, о его встречах с разными людьми – на протяжении многих десятилетий. Но его жизнь – очень активного, деятельного, разнообразно одаренного человека – была настолько “вписана” в жизнь России, в судьбы народа, к которому он принадлежал, что мы узнаем из нее очень много о жизни, исканиях, борьбе целого поколения, точнее, нескольких поколений россиян, и особенно той социально-этнической группы, которая называется русско-еврейской интеллигенцией. Глубокий историзм пронизывает всю повествовательную ткань воспоминаний М. Кроля, превращая их из личного документа в документ эпохи. Из очень большого запаса впечатлений, наблюдений и размышлений М. Кроль выбирает наиболее важные, значительные ситуации, события, мысли; рассказывая о “былом”, он остро, эмоционально реагирует на все происходившее.

Вместе с тем в его мемуарах – не только события и их характеристика; здесь и бытовые картины, и портретные зарисовки современников (особенно близких ему людей), и лирические отступления; в них немало очень личного, даже исповедального. Есть страницы, которые по своей содержательной и интеллектуальной насыщенности, эмоциональности вызывают аналогии с лучшими произведениями российской мемуарной литературы: я имею в виду “Былое и думы” А.И. Герцена, “Историю моего современника” В.Г. Короленко, “Книгу жизни” С.М. Дубнова.

Что может почерпнуть из книги М. Кроля этнолог, изучающий российских евреев? Здесь немало конкретики, относящейся к еврейской жизни в конце XIX – первой

трети XX в. (в “черте оседлости”, в Петербурге, Сибири, Харбине, Париже), материалы к такой проблеме, как адаптация евреев “черты” к новым условиям и обстоятельствам (большой город, Сибирь, политическая жизнь, тюрьма и ссылка, эмиграция). И в рамках этой проблематики – такая важная тема (показанная на примере конкретных людей, имена которых вписаны в историю российской общественно-политической, культурной, научной жизни; и прежде всего и полнее всего, естественно, на личном примере), как процесс становления новой еврейской интеллигенции, ее вхождения в российскую интеллигенцию, превращения ее в русско-еврейскую интеллигенцию (об этом см.: *Винавер* 1917; *Вишняк* 1954; *Гершензон* 1922; *Гессен* 1925–27; *Гинзбург* 1923, 1939; *Кельнер* 1996; *Натанс* 2007).

Интересны “портреты” разных людей – от родителей автора до атамана разбойничьей шайки в Сибири, ставшего достопочтенным предпринимателем; и, конечно же, все, что касается таких знаковых фигур в истории российской этнологии, как Л.Я. Штернберг и В.Г. Богораз.

“Пройдемся”, однако, по “Страницам...” М. Кроля.

О жизни евреев “черты оседлости” глубоко прочувствованную информацию содержат главы, посвященные Житомиру и Сморгони (небольшому городу в Белоруссии, где жили родственники автора). Вот характеристика родного города и его обитателей, которую дает М. Кроль, приехав в Житомир после шестилетней сибирской ссылки (1896 г., ему 33 года): “Я стал внимательно присматриваться к окружающим меня людям и их взаимным отношениям. Житомир всегда был заброшенным провинциальным городом... Очень тяжелое впечатление на меня производили настроения и внешний вид житомирских евреев. Такой массы бедных и забытых людей я среди них раньше не встречал – может быть, оттого, что я раньше с ним так пристально не присматривался. Даже у зажиточных евреев был чрезвычайно подавленный вид. Человеконенавистническая антисемитская политика Александра III наложила свою мрачную печать на всю еврейскую жизнь в России” (*Кроль* 2008: 270). Но обыденная жизнь шла своим чередом. Автор рассказывает, как почти все еврейское население было взбудоражено его возвращением из Сибири. Среди его земляков был обычай “поздравлять друг друга с большой радостью присылкой вина – одной, а то и двух бутылок”. И вот в дом его родителей потянулись люди с такими приношениями и поздравлениями, причем большинство приходивших они даже не знали. “Приходили ненадолго, горячо поздравляли, обменивались с нами несколькими фразами и удалялись” (Там же: 269).

Думаю, что это было формой общинной солидарности, которая проявлялась и в беде, и в радости.

Немногословно, но содержательно рисует автор различные еврейские типы “черты оседлости”. Вот, к примеру, его отец. “Деловой человек”, как теперь говорят, он был опытным подрядчиком, но, видимо, не очень удачливым; семья жила на скромные доходы с когда-то приобретенного дома (Там же: 273). Отец был человеком глубоко верующим, с основательными познаниями в Торе и Талмуде, но к хасидским суевериям, “фантазиям” относился критически, был миснагидом². В молодости он увлекался поэзией, даже писал стихи по-древнееврейски; всю жизнь, до глубокой старости, много читал и отнюдь не только религиозную литературу, еврейских авторов. Он “живо интересовался светской наукой и жадно набрасывался на всякую серьезную книгу, по истории ли, естествознанию, литературе”. М. Кроль вспоминает, как отец вслед за ним читал книги, которые он, гимназист, приносил из библиотеки – Дарвина, Бокля (английский историк и социолог, автор “Истории цивилизации в Англии”), Шлоссера (немецкий либеральный историк, автор 19-томной “Всемирной истории”), Гервинуса (немецкий историк и литературовед) и других авторов. Неплохой круг чтения для провинциального еврея конца XIX в.!.. И в преклонном возрасте, на восьмом десятке, он “почти ежедневно посещал публичную библиотеку и проводил там по несколько часов

за чтением газет и серьезных книг” (Там же: 273–274). Одним из самых близких друзей отца был известный еврейский писатель М. Мойхер Сфорим, и это были достойные друг друга собеседники.

М. Кроль особо отмечает способность отца понимать и чувствовать дух времени: «Ему были понятны настроения передовой еврейской молодежи, и многие их стремления и чаяния находили в его сердце сочувственный отклик”. Автор вспоминает, как в один из его приездов в Житомир они гуляли с отцом по городу, и навстречу им попадались “группы еврейской молодежи – молодые люди, девушки. Вид у них был жизнерадостный, они вели оживленные беседы, часто звенел молодой смех... – “Посмотри, Моисей, – сказал мне отец, какое новое поколение растет сейчас! Посмотри, какой гордый пламень горит в глазах этой молодежи!... Как они выпрямили свою спину, как независимо они себя держат!”» (Там же: 275–276).

Очень достойный человеческий тип являла собой мать автора. В отличие от отца она была горячо и искренне верующей хасидкой; но в реальной жизни отнюдь не религиозный мистицизм определял ее поведение: «Основным свойством моей матери была человечность. Я никогда не слышал от нее ни одного грубого слова, и она не переносила никакой ругани. Ко всем она обращалась со словами “друг мой!”... Она считала своим долгом по мере своих сил делать добро для окружающих. Она собирала деньги для бедных невест, доставала из-под земли средства, чтобы помочь бедным больным. Она не могла оставаться равнодушной, когда на ее глазах кем-нибудь совершалась несправедливость... Она никого не боялась» (Там же: 276–279).

Когда читаешь страницы, посвященные М. Кролем матери, невольно вспоминается известная притча из Талмуда. В ней рассказывается, как к мудрецу и законоучителю Гилелю (I в. до н.э. – I в. н.э.) пришел некто и спросил, “может ли рабби объяснить ему сущность его религии за то время, что он (человек этот) будет стоять на одной ноге”. Гилель ответил: “Относись к другому так, как хочешь, чтобы относились к тебе. В этом – суть. Все остальное – комментарии”. Разумеется, в этой притче выражен идеал отношений между людьми, которому в жизни (как и всякому идеалу) следуют, увы, немногие. Но такие люди были, есть и, надеюсь, всегда будут – в каждом народе, независимо от вероисповедания (равно как и среди людей нерелигиозных).

Интересны наблюдения и размышления М. Кроля о еврейской молодежи в “черте оседлости”. Он говорит о политической индифферентности своих знакомых в молодежной среде, объясняя это парализующим воздействием жестко-репрессивной политики царского правительства (Там же: 272).

Тем не менее среди еврейской молодежи происходили важные изменения. Побывав в том же 1896 г. у своих родственников в Сморгони, М. Кроль обнаружил, с какой прямо-таки “святой страстью” потянулись к просвещению еврейские девушки, которым их консервативные родители прочили совсем иную будущность (в общем – повторение их традиционной жизни); на этой почве во многих семьях развернулась, пишет мемуарист, ожесточенная борьба между “отцами” и “детьми”. Особый “акцент” ей придавало то обстоятельство, что просветительскую деятельность среди еврейской молодежи Сморгони вел русский человек – мелкий землевладелец – “народник” Синицкий. Он организовал несколько кружков, где юноши и девушки изучали классиков, русских и зарубежных. Кроль рассказывает, как он был удивлен, когда его 14-летняя племянница в разговоре с ним назвала несколько интересных книг и поделилась «тем огромным впечатлением, которое на нее произвела драма Гауптмана “Потонувший колокол”, а также “Ткачи”... Это была оценка развитого интеллигентного человека». И далее он говорит о том, какой ценой получали его юные родственницы это свое “второе” образование: “днем их посылали в хедер, оставалась ночь, и в три-четыре часа ночи, когда в доме все были погружены в глубокий сон, обе мои племянницы вставали и принимались за русские учебники и книги...” (Там же: 304–305).

Когда М. Кроль приехал в ту же Сморгонь спустя два года, осенью 1898 г., он был поражен “возбуждением, царившим среди тамошней молодежи... Поток новых идей наводнил еврейские города и местечки. Это была настоящая духовная революция. Еврейская молодежь рвалась из своего душного гетто на свежий воздух, и ее лозунгами были светское образование и духовная независимость... Стремление к образованию у них носило буквально религиозный характер” (Там же: 303). Впечатляющие зарисовки, содержательно важные и для историка, и для этнолога.

Из мемуаров М. Кроля можно почерпнуть много интересных деталей из жизни сибирских евреев. Своей волей обычный, “честный еврей” в Сибири оказаться не мог (по закону времен Николая I “в эту страну изгнания могли попадать только еврей-преступники, осужденные на каторгу или на поселение”) (Там же: 247). Так попал в эти края и наш автор, сосланный в Сибирь после судебного процесса 1887–1888 г. над членами партии “Народная воля”. Обычным местом ссылки для евреев в Сибири была Якутия (Верхоянск, Колымск и другие отдаленные ее места), но М. Кроля “ввиду его серьезной горловой болезни” сослали в г. Селенгинск (Ново-Селенгинск) Забайкальской области, куда он и прибыл в феврале 1890 г. Здесь он с разрешения генерал-губернатора начинает изучать бурятское население региона – традиционные обычаи, верования, хозяйственные занятия. С весны 1892 г. по осень 1893 г. он, объезжая кочевья селенгинских, джидинских и хоринских бурят, стал отличным этнографом-полевиком. Кроль и в последующие годы будет заниматься этнографией бурят (им посвящены около 20 его публикаций).

В 1893 г. М. Кроль переселился с (разрешения высокого начальства) в г. Верхнеудинск (с 1934 г. – Улан-Удэ); здесь он готовится к новым экспедициям, изучает материалы местного архива. По сравнению с крохотным, в 500 жителей, Ново-Селенгинском, Верхнеудинск, где тогда проживало около 8 тыс. человек, был настоящим городом, с солидной библиотекой и благоустроенным клубом, в котором проходили концерты и спектакли, выступали известные гастролеры; имелись две гимназии – мужская и женская; было много интеллигентных людей: врачи, учителя, инженеры, чиновники и т.д. И что, на взгляд автора, особо примечательно, тут “не было и следа той апатии и подавленности, которая наблюдалась в то время во многих российских провинциальных городах” (Там же: 165).

Объясняет он это, как умный, наблюдательный социопсихолог, “большой независимостью характера сибиряков и особо развитым у них чувством собственного достоинства” (Там же). А материальное благополучие верхнеудинцев зиждилось на важной роли этого города как центра экономической жизни большого региона. М. Кролю трудно было заметить, что здесь видную роль играли евреи, поддерживавшие тесные деловые контакты с Иркутском, Москвой, Нижним Новгородом, Лодзью, Варшавой и другими центрами. Довольно скоро ему представилась возможность поближе познакомиться с некоторыми из них. Репутация политического ссыльного не стала ни малейшей помехой в сближении с Кролем многих еврейских семей, которые наперебой приглашали его в гости (Там же: 166).

Он отмечает, что “почти все тамошние евреи были потомками уголовных каторжан или поселенцев”, и потому “там менее всего считались с происхождением человека. Каждого расценивали только по его личным качествам и по его делам”. Практически все они сумели состояться как деловые, вполне обеспеченные люди: “Я не встречал там ни одного бедняка еврея, а о еврейском нищенстве, которое было так распространено в черте оседлости, там не имели даже представления”. М. Кроль рассказывает о большом доверии, которое было нормой во взаимоотношениях верхнеудинских евреев – купцов и предпринимателей: “Среди них был развит обычай давать друг другу беспроцентные ссуды на крупные суммы без всяких расписок. Верили на слово” (Там же: 245–246). Подобные нравы, думается, не часто встречались и в те “патриархальные” времена. Однако они объяснимы. Круг этих людей – евреев-предпринимателей в огромном крае – был,

в общем-то, весьма узок; все хорошо знали друг друга, зависели от взаимопомощи не только “в деле”, но и во всех сложных жизненных ситуациях, поэтому такая взаимовыручка, такие отношения сложились, как говорится, естественным путем.

М. Кроль рисует очень колоритный образ старика-еврея из Верхнеудинска – обаятельного человека, умницу и блестящего рассказчика, “очень красивого, с длинной белоснежной бородой и небесно-голубыми глазами”, очень богатого и очень гостеприимного, который “щедро жертвовал крупные суммы на нужды еврейской общины” города. В молодости он был главарем разбойничьей шайки, обладавшим фантастической изобретательностью в сокрытии следов, благодаря чему полиция несколько лет безуспешно пыталась ее поймать. Когда это все же случилось, атаман получил 20 лет каторги, но благодаря нескольким амнистиям вышел на поселение намного раньше срока, занялся торговлей и, ведя дела чрезвычайно удачно, довольно быстро стал миллионером. Следующий его шаг тоже был весьма нетривиальным: он ликвидировал свое “дело”, поселился в Верхнеудинске, заняв там (в еврейском обществе) весьма почетное положение (Там же: 246–247). Что и говорить – очень “нестандартный” еврейский тип, чем-то напоминающий типажи “Одесских рассказов” И. Бабеля, чем-то – “героев” освоения “дикого Запада” в Северной Америке, но вот, оказывается, вполне реальный в Сибири XIX в.

Характеризуя верхнеудинских евреев, М. Кроль отмечает, что их “средний культурный и моральный уровень” “был не только не ниже, но во многих отношениях выше этого же уровня в черте оседлости. Они, например, очень высоко ценили светское образование и с большим уважением относились к образованным людям. При всем демократизме верхнеудинских евреев евреи-интеллигенты были той привилегированной категорией, которой они отводили особое место в своем обществе” (Там же: 247).

М. Кроль показал, что сибирские евреи стали достойной частью россиян-сибиряков, которые в целом заметно отличались от жителей европейских губерний России: здесь “вырастали новые, закаленные в тяжком труде поколения, которые строили в Сибири новую жизнь. Это были сильные люди с гордым и независимым характером... в этой стране изгнания выработался совсем другой тип человека, нежели в Европейской России” (Там же: 255; на эту тему также см.: *Кальмина* 1999; *Рабинович* 1999).

Характеристику верхнеудинских евреев дополняет картинка из жизни евреев Иркутска: некоторые из них “занимали весьма важные позиции в местной экономической жизни” (в частности, в развитии сибирской золотопромышленности, торговле пушнина). Мемуарист отмечает, что иркутские евреи – купцы и предприниматели – “много содействовали установлению тесных торговых сношений между Восточной Сибирью, Москвой и Лодзью”; они же первыми в этом регионе организовали ряд “солидных и доступных почти для всякого кредитных учреждений” – очень важный фактор для развития любого предпринимательства и экономики в целом (Там же: 251–252).

Кроль подчеркивает радушное, широкое гостеприимство евреев-иркутян, причем “особенное внимание они уделяли политическим ссыльным” – традиция, укоренившаяся в здешних краях со времен декабристов. “Позже, в семидесятых и восьмидесятых годах, когда правительство стало ссылать политических в Сибирь массами, эта традиция еще больше утвердилась” (Там же: 252).

Важно подчеркнуть, что М. Кроль, как настоящий этнограф, изучая (очень внимательно и с большой симпатией) культуру ранее совершенно незнакомого ему народа, бурят, искал параллели в культуре хорошо известного ему народа – еврейского. В частности, отличая роль религии (иудаизма) в традиционной культуре, во всем строе жизни евреев, он “нашел большую аналогию между жизнью бурят-ламаистов и жизнью старого ортодоксального еврейства. И у евреев до совсем-таки недавнего времени единственным источником их духовной культуры и единственной областью их интеллектуальной деятельности была религия” (Там же: 179).

В книге немало интересных фактов, характерных зарисовок, сцен, рисующих положение евреев в Петербурге в конце XIX – начале XX в., в особенности относящихся к элитной страте этой группы, русско-еврейской интеллигенции, и ее взаимоотношениям со столичной русской интеллигенцией. В ноябре 1896 г., через 14 лет после второй высылки из столицы, М. Кроль получает возможность вернуться в Петербург – благодаря энергичному содействию тогдашнего директора Этнографического музея при Академии наук акад. В.В. Радлова, который, зная о его работе по изучению забайкальских бурят, хлопотал о нем перед департаментом полиции: “(он) меня встретил с такой радостью, как будто я был его собственный сын. Я его посетил в музее, где он тотчас же меня познакомил с некоторыми видными учеными. Затем он повел меня в библиотеку Академии наук, где он рекомендовал меня заведующему библиотекой и некоторым академиком. Таким образом, я вошел в научные круги академии” (Там же: 283). Какая замечательная картинка для характеристики тогдашнего академического мира! В нескольких строках показан его демократизм и интернационализм, максимально доброжелательное отношение к “новичку”, к тому же “вчера” еще политическому ссыльному, человеку из “черты оседлости”.

Со многими очень известными людьми из круга столичной интеллигенции М. Кроль познакомился в доме друга юности Мани Губерман, которая в Петербурге вышла замуж за крупного экономиста В.П. Воронцова (автора книги “Судьбы капитализма в России”) и стала Марией Петровной Воронцовой (видимо, приняла крещение). Среди них – профессора И. Янжул и Н. Кареев, талантливый правовед Д. Левин и др. У Левиных он познакомился с М. Винавером, А. Браудо, О. Грузенбергом, философом Л. Шестовым, В. Модозовым, литературным критиком из “Русского богатства” А. Горнфельдом и др. Эти люди играли очень заметную роль в российской науке, журналистике, общественно-политической жизни; о каждом из них можно найти статьи в различных энциклопедиях (о некоторых – монографии и исследовательские статьи, например, о Л. Шестове). В других кругах Кроль мог встретиться с выдающимся еврейским адвокатом А. Пассовером, с молодым Л. Мартовым (Ю.О. Цедербаумом), будущим вождем меньшевистского крыла российской социал-демократии (Там же: 283–286).

Весьма любопытна следующая ситуация. В апреле 1897 г. на заседании редколлегии газеты “Сибирь”, с которой М. Кроль сотрудничал, к нему обратился известный сибирский исследователь А.В. Григорьев с предложением участвовать в научной экспедиции по изучению экономического положения сельскохозяйственного населения в Забайкалье. Ее главным организатором был А.Н. Куломзин, крупный государственный деятель (в 1883–1902 гг. – статс-секретарь, управляющий делами Комитета министров, в 1915–1916 гг. – председатель Государственного совета). Наш герой дал согласие и получил приглашение от Куломзина “прийти к нему домой в один из ближайших вечеров, чтобы подробно поговорить о предстоящей работе”. И вот вчерашний “политический преступник” приходит к министру: “Меня крайне поразило, как Куломзин просто держался, и с какой предупредительностью он меня встретил. Он меня принял, как гостя; мы с ним беседовали по разным вопросам около двух часов” (Там же: 287–288).

Существовали, однако, “установления”, переступить через которые не мог и министр. После полугодичной работы “в поле” (т. е. в Забайкалье) и написания М. Кролем книги о формах землепользования в этом регионе, получившей высокую оценку А.Н. Куломзина, один из его подшефных из канцелярии Комитета министров, Петерсон, передал от имени своего начальника, что он взял бы М. Кроля в штат канцелярии, если бы тот согласился креститься. Дальше следует диалог, который заслуживает того, чтобы быть воспроизведенным полностью.

– Не иначе? – спросил я его иронически.

– Вы знаете, – продолжал Петерсон тоном сочувствия, – что в настоящее время принять еврея (еврея-иудея. – С.К.) на государственную службу совершенно невоз-

можно.

– Но стоит мне только креститься, как я стану совершенно другим человеком, не правда ли?

– Конечно, нет, – признался Петерсон, – но что делать, когда власти требуют выполнения этой формальности. Разве вы так религиозны?

– Конечно, нет!

– Что же вас может удерживать от крещения? Для вас этот обряд не должен представлять никаких неудобств. Это вроде того, что вы меняете пиджак на фрак.

Его наивный цинизм и полнейшее непонимание всей низости предлагаемой им мне сделки с совестью меня прямо обезоружили. Я рассмеялся и сказал ему:

– Нет, Николай Петрович, я очень люблю свой пиджак и не променяю его на самый лучший фрак в мире.

...Моя работа при канцелярии Комитета министров была закончена” (Там же: 299–300).

Не помню, о ком Б. Пастернак сказал: “Он никогда не терял лица ради положения”. Но они полностью относятся к Моисею Кролю – человеку, для которого чувство собственного достоинства (и национально-этнического достоинства) всегда было неизмеримо значительнее возможностей социального положения, карьеры и связанных с ними благ.

Приведенный выше диалог, вся эта сценка стоит, думается, многих страниц, многих работ, характеризующих унизительно-неполноценное положение в царской России иудаизма как вероисповедания, и евреев, исповедующих свою национальную религию. Одновременно этот пассаж объясняет многое в поведении очень многих представителей этой этнической группы: отнюдь не случайно, а вполне закономерно активное участие евреев во всех оппозиционных партиях – от умеренных конституционных демократов (кадетов) до радикальных социал-демократов большевистского направления.

М. Кроль избрал другой путь. Став (для заработка) служащим большой железно-дорожной компании (кстати, “с подачи” того же Куломзина), он продолжил журналистскую работу (во многих периодических изданиях Петербурга и Сибири), а также начал активно участвовать в работе общественных организаций, «преимущественно еврейских, деятельность которых мне была по душе. Тогда же начался “мой возврат к моему народу”» (Там же: 308–309).

Немногословную, но достаточно информативную характеристику евреев столицы М. Кроль дает в гл. 25 своих мемуаров. По его оценке, в Петербурге на исходе XIX в. проживали 30–40 тысяч евреев; большинство составляли представители “свободных” и иных интеллигентских профессий – адвокаты, писатели, журналисты, художники, врачи, инженеры; немало было студентов, коммерсантов, ремесленников. Петербургские евреи жили разбросанно по всем районам огромного города. Еврейская интеллигенция «в своем большинстве была тогда очень далека от общееврейских нужд и интересов. Если тип прежних закоренелых ассимиляторов, сознательно и с насмешкой отказывавшихся от всего еврейского прошлого, и сошел со сцены (очень важная констатация. – С.К.), то “возврат” еврейской интеллигенции к своему народу только-только начинался (...) специально еврейской общественной или культурной работе мало кто из еврейских интеллигентов тогда себя посвящал» (Там же: 310–311).

М. Кроль кратко характеризует деятельность существовавших тогда в Петербурге еврейских общественных организаций общероссийского значения (Общество распространения просвещения среди евреев в России, Еврейское колонизационное общество, Общество распространения среди евреев ремесленного и земледельческого труда), которые оказывали еврейскому населению России разнообразную помощь. Петербургские адвокаты-евреи всеми доступными им способами защищали права своих соплеменников из разных уголков империи; к этой работе подключился и стал актив-

но заниматься ею и М. Кроль, по инициативе которого был образован “юридический кружок для защиты еврейских прав”: “Работа наша была скромная, но делали мы ее добросовестно, аккуратно, и наши труды нам часто приносили успех. Неудивительно, что наш кружок скоро завоевал доверие довольно широких слоев еврейского населения черты оседлости... Она вылилась также в другие формы и в сравнительно короткое время выросла в крупный общественный фактор, который сыграл очень важную роль в жизни русского еврейства” (Там же: 314–315).

Любопытны главы мемуаров, посвященные Харбину и харбинским евреям. М. Кролю пришлось бежать туда из Иркутска (где он с семьей жил с 1908 г., активно участвуя в общественно-политической жизни) после установления в Сибири военной диктатуры адмирала А. Колчака в ноябре 1918 г. (как активному функционеру партии социалистов-революционеров). Тогда он еще не предполагал, что покидает Россию навсегда (Там же: 525–537).

Несколько страниц автор посвятил той роли, которую сыграли российские евреи в постройке КВЖД, в развитии Харбина и региона в целом. Он отмечает, что “евреи проявили себя весьма способными организаторами строительного дела. (В качестве подрядчиков) они строили жилые дома, фабрики, заводы, прокладывали железнодорожные пути и шоссейные дороги. Некоторые... приобрели общероссийскую известность”. В последующие годы, когда началось освоение Маньчжурии, еврей-предприниматели были среди тех, кто занялся разработкой ее лесных богатств. Другие организовали возделывание китайских бобов и их экспорт в Европу (там из них добывали бобовое масло) в очень крупных размерах (на исходе второго десятилетия XX в. из Маньчжурии вывозили до 100 млн т в год). Потом начали изготавливать это масло на месте, а в Европу вывозили уже не сырье, а готовый продукт; оставшиеся жмыхи сбывали в Японию, где их использовали как удобрение для полей. Харбинским евреям, отмечает мемуарист, принадлежит и большая заслуга в организации мукомольного дела в регионе. Очень заметную роль еврей-предприниматели и финансисты играли в развитии местной торговли, банковского дела (Там же: 539–541).

М. Кроль рассказывает, как была организована общинная жизнь харбинских евреев, как рядом с ее исконными, традиционными формами (синагога, начальная школа для еврейских детей, больница, богадельня) постепенно “возникали учреждения и организации по образцу самых передовых стран” – детский сад, профессиональная и музыкальная школы, гимназия, целая сеть “прекрасно поставленных благотворительных учреждений” (Там же: 545). Если до 1917 г. всеми делами еврейской общины ведало духовное правление, то после Февральской революции его функции перешли к Общинному совету, избранному еврейским населением Харбина из представителей всех имевшихся в городе еврейских политических партий и группировок (также см.: Романова 1999).

В 1920–1930-е годы множество еврейских интеллигентов-россиян оказались во Франции; большинство их жили в Париже. В 1933 г. здесь возник Кружок русско-еврейской интеллигенции. И вот как – с особым чувством – объясняет Кроль это название: “Назвали мы себя (так) не только потому, что мы были все выходцами из России, но и потому, что, глубоко чувствуя кровное и духовное родство с еврейским народом, мы в то же время любили Россию как свою родину и вполне ценили ее духовную культуру, которую мы впитали в наши юношеские годы и в атмосфере которой мы жили все время, пока мы не вынуждены были эмигрировать” (Там же: 630). Это – к теме двойной культурной идентичности значительной части российских евреев. Ощущение, восприятие России как родины, воздействие великой русской культуры были у них (особенно – у интеллигенции, жившей в больших городах) чрезвычайно сильны. Это жило в них, многообразно проявляясь, в течение всего периода в эмиграции (в первом поколении – до конца их земного бытия); свидетельств тому масса, и мемуары М. Кроля – одно из них.

Автор подробно рассказывает о деятельности кружка. В 1937 г. он был преобразован в Объединение русско-еврейской интеллигенции, председателем которого избрали М. Кроля. На собраниях кружка, а потом Объединения бывали и известнейшие люди из русской диаспоры – И.А. Бунин, А.И. Куприн, П.Н. Милоков, Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов, А.М. Ремизов, Н.А. Тэффи, князь Оболенский, Н.Д. Авксентьев (один из лидеров эсеров). Сотни людей, евреи и русские, были участниками пушкинского (юбилейного) вечера в 1937 г., вечера памяти Л.Н. Толстого, вечера по случаю 75-летия С.М. Дубнова, выдающегося ученого-историка еврейского народа (погибшего в 1941 г. в оккупированной нацистами Риге).

Усилиями членов Объединения был подготовлен и в 1939 г. вышел в свет большой сборник “Еврейский мир”, который, по замыслу его создателей (одним из самых активных, был, конечно, М. Кроль), “должен был открыть перед читателем еврейскую жизнь во всем ее многообразии” (Там же: 639).

В завершение нашей “прогулки” по “еврейским страницам” мемуаров М. Кроля – содержащиеся в них заметки о выдающихся российских этнографах еврейского происхождения Л.Я. Штернберге и В.Г. Богоразе. Особенно много их о первом, который был самым близким другом М. Кроля с 10-летнего возраста: ровесники-соученики житомирской гимназии, они “провели вместе очень много времени... много читали вместе, и так из года в год мы росли умственно и морально и совершенно незаметно стали революционерами”. После ареста (Штернберг в апреле 1886 г., Кроль в феврале 1887 г.) они оказались в одиночных камерах Одесской тюрьмы (Там же: 71–72). Автор рассказывает о себе: «...я искал успокоения в книгах, которые я в тюрьме читал с особенным интересом. Во мне проснулась традиционная еврейская “любовь к книге”». А еще он стал изучать английский и итальянский языки; через три-четыре месяца уже мог читать Байрона в подлиннике, “не только хорошо понимая байроновские стихи, но даже чувствуя их необыкновенную красоту” (Там же: 77–78). Через 15 месяцев М. Кроль был переведен в другую “одиночку”, где за стеной оказался Штернберг. Выяснив это “перестуком”, они потом целыми часами вели беседы на разные темы. Какая замечательная деталь, ярко характеризующая эти две личности (их уровень, их дарования, их характеры – и многое еще): «Мы очень увлекались в это время английской и итальянской поэзией и часто делились впечатлениями: о поэзии Шелли, Данте и т. д. Штернберг имел терпение перевести на итальянский язык несколько глав из лермонтовского “Демона”, и часть перевода он мне прочел, выстукав его через стену» (Там же: 86).

Их дружба, очень близкие человеческие отношения прошли через жизни обоих, как говорится, до самого конца (в буквальном грустном смысле этих слов).

О Штернберге имеется довольно много публикаций, но многие подробности о Льве Яковлевиче как о человеке, революционере, ученом можно узнать именно из книги М. Кроля. Очевидно, ему первому (на “материке”) Штернберг сообщил (письмом с Сахалина, конец 1892 г.), что “губернатор... разрешил заняться изучением первобытных племен, населявших остров, и что ему удалось совершить несколько очень интересных поездок по гиляцким стойбищам” (Там же: 163). В другом месте М. Кроль уточняет, что Штернберг начал исследования сахалинских гиляков (нивхов) еще в 1891 г., «а в 1893 г. в “Этнографическом обозрении”, выходящем в Москве, была уже напечатана его статья о системе родства у этого племени. И эта его статья сразу привлекла к себе внимание ученого мира». Мы узнаем также, что Штернберг основал на острове (на Александровском посту) музей, “который вскоре приобрел значительный научный интерес. Особенно богато было поставлено этнографическое отделение этого музея, и главным образом потому, что Штернберг пожертвовал ему чрезвычайно ценные коллекции, собранные им с большим знанием дела и с любовью среди обследованных им племен – гиляков, айнов, орочей и гольдов”. Интересна информация об активном участии Льва Яковлевича в общественной жизни края – в част-

ности в качестве редактора ежедневной владивостокской газеты “Дальний Восток” (Там же: 290).

А как эмоциональны пассажи о встрече старых друзей после 9-летней разлуки – в Иркутске в конце 1897 г., где М. Кроль (чья ссылка закончилась в декабре 1895 г.) оказался после 5-месячной научной экспедиции в Забайкалье, а Л. Штернберг – возвращаясь из своей сахалинской ссылки: “...Трудно описать чувство радости и подлинного счастья, которое мы оба испытали при этой нашей встрече”; как замечательна его характеристика Штернберга, как интересны рассказы последнего о Сахалине и его жителях (Там же: 289–294).

В 1900 г. именно благодаря хлопотам М. Кроля и энергичной поддержке акад. В.В. Радлова (к которому он обратился) Лев Яковлевич получил от департамента полиции разрешение приехать в Петербург и начал свою работу в Этнографическом музее Академии наук, уже в 1902 г. став его фактическим руководителем: “И с тех пор Штернберг отдавал всю свою энергию, весь жар своей души музею и этнографической науке. Вместе с Радловым он превратил до того бедный, довольно-таки запущенный музей в один из образцовых музеев в Европе. Он основал новую этнографическую школу” (Там же: 320).

Когда Лев Яковлевич скончался, его вдова обратилась к М. Кролю (в 1927 г.), жившему тогда в Париже, с просьбой написать статью о Штернберге. С “большим волнением” писавшиеся, эти воспоминания об их юности и совместном участии в народолюбивом движении были опубликованы в журнале “Каторга и ссылка”, издававшемся в СССР Обществом политкаторжан.

О В.Г. Богоразе в мемуарах М. Кроля информации гораздо меньше, и почти вся она – о нем как революционере. Некоторые характеристики стоят того, чтобы быть воспроизведенными здесь. “Богораз был в 1885–1886 годах, бесспорно, одним из виднейших и талантливейших руководителей партии (“Народной воли”. – С.К.). Его феноменальная память, его энциклопедические знания и большие организаторские способности буквально поражали. Поступив в университет на 17-м году, он в 20 лет уже производил впечатление ученого. Его неисчерпаемая энергия вызывала среди товарищей всеобщее удивление. С 1884 года он отдался революционной работе телом и душой... Он обладал изумительной трудоспособностью... умел воспламенять революционную молодежь своими выступлениями” (Там же: 94).

В тюрьме (два года в “одиночке” Петропавловской крепости) Богораз начал писать стихи – и потом, в сибирской ссылке, присылал своему другу и соратнику М. Кролю “вместе со своими яркими, содержательными письмами плоды своего поэтического творчества – целые пачки стихов. И я должен отметить, что все письма, которые я получал, были проникнуты очень бодрым настроением. Некоторые из них блистали остроумием...” (Там же: 141).

Таковыми были в молодости те, кто позднее, занявшись изучением народов, рядом с которыми они оказались, стали выдающимися учеными, корифеями российской этнографии конца XIX – первой трети XX в.

И разве они (включая, разумеется, автора мемуаров) – не интереснейшие, замечательные типы российско-еврейского мира своего времени? Выросшие в небольших городах и городках “черты оседлости”, получившие, однако, прекрасное образование (прежде всего – самообразованием) – благодаря страстной тяге к знаниям, культуре; подхваченные, увлеченные мощной волной тогдашнего молодежного революционерства; пройдя испытания многочисленными тюремными “одиночками” и многолетними ссылками, они не только не сломались, не согнулись, но, напротив, мощно самоутвердились, реализовав себя в дальнейшем в науке, культуре, общественной деятельности, в различных творческих и “свободных” профессиях – служба России, на всю жизнь, куда бы ни забрасывала их судьба, сохраняя искреннюю любовь к ней, как к своей Родине, пожизненное восхищение и благодарность великой русской культуре, в лоне ко-

торой они росли, формировались, состоялись, глубоко ощущая и осознавая при этом свою принадлежность к народу, их породившему, – еврейскому.

Андрей Битов устами одного из героев романа “Ожидание обезьян” высказал такую мысль: “Человек несовершенен, потому что должен себя совершить. Сам. С Божьей помощью, конечно. Это не приговор – быть человеком, а назначение”.

И М. Кроль, и, конечно же, его замечательные друзья, о которых только что шла речь, и другие “действующие лица” его мемуаров (не все, разумеется) – из тех, кто сам себя совершил, очень достойно, очень значительно.

Большое спасибо всем, кому мы обязаны появлением этой умной, доброй, очень содержательной книги. Каждый, кто ее прочтает, станет богаче и, может быть, в чем-то, хоть немного, совершеннее.

Мне же, как этнологу, мемуары М. Кроля дали еще одну возможность убедиться, как много полезных, интересных, иногда – важных, ценных фактов, мыслей содержит литература, которая до сих пор, к сожалению, по большей части остается за рамками нашего внимания.

Примечания

¹ Для издания этой книги объединились такие авторитетные структуры: Ассоциация “Мосты культуры/Гишрей тарбут” (руководитель – М. Гринберг – известный израильский издатель, активный и талантливый деятель русско-еврейской культуры), Библиотека Евразийского Еврейского конгресса, Русское общество друзей Еврейского университета в Иерусалиме и Международное исследовательское общество еврейства (академический директор – видный историк и очень энергичный организатор, д.и.н., проф. О.В. Будницкий).

² Миснагим (ивр. митнагим – “противники”, “несогласные”, в ашкеназском варианте – миснагим) – оппоненты, критики хасидизма.

Литература

Винавер 1917 – *Винавер М.* Недавнее. Воспоминания и характеристики. Петроград, 1917.

Вишняк 1954 – *Вишняк М.* Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954.

Гершензон 1922 – *Гершензон М.* Судьбы еврейского народа. Берлин, 1922.

Гессен 1925–27 – *Гессен Ю.* История еврейского народа в России. 2-е изд. Т. 1–2. Л., 1925–1927.

Гинзбург 1923 – *Гинзбург С.* Минувшее. Пг., 1923.

Гинзбург 1939 – *Гинзбург С.* О еврейско-русской интеллигенции // *Еврейский мир*. Париж, 1939.

Дубнов 1939 – *Дубнов С.* Русско-еврейская интеллигенция в историческом аспекте // *Еврейский мир*. Париж, 1939.

Кальмина 1999 – *Кальмина Л.* Евреи в Западном Забайкалье: поиск экономических ниш (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Диаспоры*. 1999. № 1. С. 104–114.

Кельнер 1996 – *Кельнер В.* Русско-еврейская интеллигенция: генезис и проблемы национальной идентификации (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Вестник Еврейского университета в Москве*. 1996. № 3 (13). С. 4–20.

Козлов 2005 – *Козлов С.Я.* Этнолитературоведение – это интересно и перспективно // *Этнограф. обозрение* (далее – ЭО). 2005. № 2. С. 152–165.

Кроль 2008 – *Кроль М.А.* Страницы моей жизни. М., 2008.

Натанс 2007 – *Натанс Б.* За чертой. Русско-еврейская встреча в позднимперской России. М., 2007.

Рабинович 1999 – *Рабинович В.* Евреи дореволюционного Иркутска: наброски к портрету // *Диаспоры*. М., 1999. № 1. С. 77–103.

Романова 1999 – *Романова В.* Российские евреи в Харбине // *Диаспоры*. М., 1999. № 1. С. 115–142.

Чешко 2005 – *Чешко С.В.* От советской этнографии к российской этнологии // ЭО. 2005. № 2. С. 8–10.

***Special Section of the Issue: Jewish Studies in Russia and Some Problems of Sociocultural Anthropology* (guest editor: *E.E. Nosenko-Stein*)**

The special issue of *Etnograficheskoe obozrenie* dedicated to the Jewish ethnography and cultural anthropology is unique in Russian academic discourse. For the first time one of the leading academic journals presents a series of articles on Jewish culture. There are many reasons for this strange gap between Jewish Studies and scholarly research in Russia. Among them is the formation of Jewish Studies in general and in the late Russian Empire in particular as a complex of disciplines primarily aimed at studies in the field of Jewish history, languages, literature, law and philosophy. Ethnographic research of Jewish folk culture began at the turn of the 19th–20th centuries and was step by step – as well as Jewish Studies on the whole – eliminated in the USSR. Besides, many specialists in Jewish Studies consider cultural anthropology as a descriptive discipline, or ethnography. As a result the research of contemporary Russian Jewry is rather scant and mainly fulfilled either by sociologists or by scholars from the USA or Israel. On these pages, readers can see the specifics of “interaction” between cultural anthropology and Jewish Studies in today’s Russia. In the introduction to the section, Elena E. Nosenko-Stein discusses the development of this interaction in Russia.

A well-known ethnologist and Jewish activist Michael A. Chlenov («What Is Jewishness? A Social Anthropologist’s View») suggests a new definition of Jewry, considering it in a sociocultural context. While many scholars define the Jewry and its various groups as ethnic, confessional, or ethno-confessional community (communities), the author argues that these definitions are not relevant and considers the Jewry through the prism of a civilization discourse. He concludes that the Jewry is a civilization and describes its specificities.

Elena E. Nosenko-Stein (“On the Collective Memory of Russian Jewry at the Turn of the Centuries: Preliminary Observations”) makes an attempt to find basic symbols of collective memory of Russian Jewry today. Drawing on her own fieldwork, Nosenko-Stein argues that there is no single collective Jewish memory but a “set” of memories with their own specificities. The author discusses the memory of persons whom she calls Guardians and who preserve the Soviet variant of Jewish secular identity. She shows that the main symbols of their memory are Holocaust and events of World War II as well as some elements of the Yiddish culture. The author also demonstrates that this memory is step by step replaced with a new one constructed on other principles and values.

Olga V. Belova in her article (“The Integrative Aspects of the Jewish-Slavic Intercultural Dialogue”) based on field research materials of 2004–2009 collected in Bukovina (Ukraine), Smolensk and Briansk regions (Russia) demonstrates the integrative trends in the cross-cultural dialogue between Jewish and Slavic populations of the regions under investigation. She stresses that some forms of cultural integration are widely spread nowadays among the Jews and Slavs in these areas. Belova shows that folk narratives on the Jewish-Slavic neighbourhood, on the transformations of traditional rites and mutual influence in the sphere of folk religion and stereotypes, on the intermarriages and baptizing, etc., provide a vivid picture of the unique situation of coexistence of different ethnic and cultural traditions which support each other in order to preserve their identities.

The article by Alla V. Sokolova (“House-Building Tradition of Podolian Shtetls in Practices and Memory”) offers an interpretation of the *shtetl* architectural phenomenon through a set of social practices and representations. Prior to the description, the author reveals semantic connections between the concepts *shtetl* and the administrative term *mestechko* (township), and examines the outcome of the search for an architectural heritage of *shtetls* in Podolia that started at the end of the 19th century and proceed to nowadays. The author argues that the utilitarian and symbolic use of houses in the *shtetl* town blocks by local natives, i.e. in dialogues between houses and their owners, constitutes the essence of the house-building tradition. The article focuses on practices and representations that help transform “ordinary” houses into monuments of the “Jewish olden time”.

Mark S. Kupovetsky (“Mountain Jews: An Ethnic History”) analyzes the evolution of collective memory of the Jews of the Eastern Caucasus (presently known as Mountain Jews) through the 1880s. One of the subjects under investigation is the reason for the excessive interest in their origins among the West Europeans, associated with apocalyptic anticipations in the Western Christianity of the 12th–16th centuries that featured “Red Jews” – descendants of the Lost Ten Tribes of Israel. At the very beginning of the development of Caucasian Studies, J. Klaphroth suggested that the Jews of the Eastern Caucasus might be descendants of the Khazar Jews and belong to the Iranian-speaking population of the region, known as Tats. However, the author argues that in the 1860–1870s the Jews of the Eastern Caucasus were marked off as a separate community (an exoethnonym “Mountain Jews”), which differed from both the Jewish communities and Iranian-speaking ethnic groups.

Alexander L. Lvov (“Russian Judaizers as a Textual Community: On the Scope of Applicability of Ethnic-Confessional Categories”) considers the religious movement of the Russian Judaizers (*Subbotniks*) and makes an attempt to define them in the historical and anthropological context. Drawing on archival sources and own fieldwork, the author argues for an escape from some traditional definitions regarding Subbotniks, such as “sect”, confessional community”, “ethnic and confessional group”, etc. Following B. Stock, A. Lvov considers this group as a textual community in which peasant oral culture was mixed with high culture, albeit without literacy or theological education. The author traces the genesis and transformation of this specific community from the 18th century to the present.

The essay by Semyon Y. Kozlov – “Jewish Groups and Types in M.A. Krol’s Memoirs (An Ethnographic-Literary Essay)” – is dedicated to the life and Jewish experience of Moisey Krol. Krol (1862–1942) was first an active participant in the early revolutionary movement in Russia, then a specialist in the traditional culture of the Buryat, journalist and politician who emigrated from Soviet Russia to China. In his memoirs Krol – among other topics – wrote about different Jewish groups in Russia of the first two decades of the 20th century. This important source has been found by N. Zhukovskaya in the USA in 1994 and subsequently published (in collaboration with A. Tenisheva) in 2008.